

УДК 398.1
ББК 82.3(2)

ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕТСТВО В ФОЛЬКЛОРНОМ ЦИКЛЕ МАЗАН-БАТЫРА

БОРИС ЮРЬЕВИЧ СЕНГЛЕЕВ

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. Исследование посвящено сюжетам о детстве Мазан-батыра, популярного героя калмыцкого исторического и легендарного фольклора. Соответствующие повествования анализируются в свете концепции «героического детства» — устойчивого набора сюжетно-тематических блоков, составляющих начальный этап биографии эпического героя в большинстве известных традиций.

Рассматриваются мотивы, связанные с семьей героя, его рождением, а также основные характеристики его детского состояния. Автор приходит к выводу, что в изображении Мазана-ребенка доминируют признаки эпического детства «низкого» типа (бедность, сиротство, безобразность, прожорливость и т.п.), присущего героям с чертами трикстера и колдуна.

Отдельно анализируется связь между детством Мазан-батыра и его первым подвигом. Показывается, что переход из состояния «неудачного ребенка» в могучего богатыря происходит в «чужом» пространстве, осуществляется в скачкообразной манере и сопровождается недоверием (и даже враждебностью) со стороны окружающих. Отмечаются другие параллели с жанром эпоса, присутствующие как на уровне мотивов, так и в тематике, сюжетной структуре и ее закономерностях.

На основании этого сделано заключение, что повествования о детстве Мазан-батыра построены по сюжетно-тематическим моделям эпической традиции.

Ключевые слова: Мазан-батыр, калмыцкий фольклор, исторические предания, героическое детство, эпос.

Дата поступления статьи: 22 июня 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

Для цитирования: Сенглеев Б. Ю. Героическое детство в фольклорном цикле Мазан-батыра // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 3. С. 119–130.

DOI: 10.26158/ТК.2019.20.3.010

Исторический Мазан-батыр — тайша и военачальник XVII в., один из самых популярных героев калмыцких исторических преданий и легенд. Своеобразный фольклорный «цикл», посвященный этому герою, рассматривался нами ранее [Сенглеев 2017]. В статье отмечалось, что начало биографии этого героя сходно с типичной картиной эпического или героического

детства. В настоящем исследовании будет предпринята попытка развить эту мысль и показать, что в основе сюжетов о детстве Мазан-батыра лежат соответствующие структурные элементы эпического жанра.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕТСТВО

Проблема *героического детства* — сюжетной модели, по которой строится

начало биографии эпического богатыря в большинстве мировых традиций, — рассматривалась в трудах различных исследователей, в частности В. М. Жирмунского [Жирмунский 1962], Б. Н. Путилова [Путилов 1999] и Ю. И. Смирнова [Смирнов 2010]. На материале калмыцкого фольклора данный вопрос затрагивался в трудах Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006] (в работе, посвященной поэтическим константам жизненного цикла в «Джангаре») и А. Ш. Кичикова [Кичиков 1992] (в отношении «тууль-улигерного» эпоса монголоязычных народов). Подробное рассмотрение основных элементов героического детства было проведено С. Ю. Неклюдовым в работе «Поэтика эпического повествования: пространство и время».

Согласно концепции С. Ю. Неклюдова, героическое детство представляет собой вспомогательную часть эпического сюжета, в которой подготавливается его дальнейшее развитие. Описания детства при этом «трафаретны» и слабо индивидуализированы по отношению к конкретному герою [Неклюдов 2015, 82–83]. Всего исследователь выделяет четырнадцать основных сюжетно-тематических блоков данного повествования:

1. Небесный пролог.
2. Чудесное зачатие.
3. Специфическое положение родителей героя (длительная бездетность, старость, бедность, отверженность и т. д.).
4. Инцестуальное происхождение героя.
5. Специфическая семейная ситуация (например, различные виды взаимоотношений племянника и дяди).
6. Чудесное рождение.
7. Пир в честь новорожденного.
8. Имянаречение (часто связано с разделением героя неуязвимостью).
9. Необычные качества будущего героя.
10. Потешная свита.
11. Воспитание на чужбине.
12. Необычные игры и шалости героя-ребенка.
13. Отъезд из дома.
14. Специфическая сюжетная ситуация, в которой взросление обрывается [Там же, 47–74].

Описания детства Мазан-батыра будут проанализированы сквозь призму данной модели. Рассмотрение будет проводиться

по трем тематическим категориям: появление героя на свет и его семейные обстоятельства, основные черты Мазан-ребенка, его первый подвиг.

СЕМЬЯ МАЗАН-БАТЫРА И ЕГО РОЖДЕНИЕ

В большинстве описаний детства Мазана он выступает как сирота, находящийся под опекой старшего родственника (как правило, дяди). Рассмотрим конкретный пример: *«Кезэнэһэ Мазн баатр гижэ келгдсн гинэ. Очр гижэ йовэж. Девэн гидг ах дү хойр күн бээж. Тер хойр күн. Тегэд Очрнь үкнэ, Девэн үлднэ. Девэн долан көвүтэ, Очрин һанихн көвүн үлдэж. Очра һанихн көвүг Девэн гидг күн көвүдтэһэн хамднь хадһлад бээнэ»* (Мазан-батыр, говорят, жил в древние времена. Звали <отца> Очиром. С Девяном два брата были они. Их было двое. Потом Очир умер, и Девян остался. У Девяна было семь сыновей, а после Очира остался один сын. Единственного сына Очира Девян растил вместе со своими детьми) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)].

Любопытной деталью является то, что в данном случае устная традиция сохранила имя отца исторического Мазана — Очир. Оно устойчиво появляется и в других вариантах, однако в некоторых случаях почему-то применяется к дяде — воспитателю героя; родной отец Мазана в таких случаях называется Эльзятюм (например: [Тягинова 2011, 143]). Механизм подобной трансформации в полной мере не ясен, однако само положение героя-ребенка как сироты, находящегося на попечении дяди, является характерной чертой эпического детства [Неклюдов 2015, 59–60].

Соответствие эпосу обнаруживается и в тех текстах, где герой не является сиротой. В таких случаях традиция обычно «забывает» о благородном происхождении Мазан-батыра (в отличие от сюжетов о взрослых подвигах), и его родителями выступают обычные люди, часто пожилые и бездетные. Рассмотрим один из примеров: *«У старика Очира и его жены уже много лет нет детей (Тиигэд бээһэ бээтл тедн кесг эжил куукд уга бээж). Они посещают хурул, где из священной книги (бичг-бурх) узнают, что сын родится, если они будут три года питаться мясом черных кобылиц. Старики следуют этому*

совету, и через три года рождается Мазан» (Зап. от А. Х. Удаева, 1956 г. р. (урож. д. Новогутово), преподавателя калмыцкого языка, Элиста. 2017 г. Предание слышал от своего отца Х. Б. Удаева, 1909 г. р.) [ПМА].

В данном тексте затянувшаяся бездетность родителей сочетается с мотивом *чудесного зачатия*. Предписание соблюдать определенную диету для рождения сына перекликается с реальными обрядовыми практиками, задающими пол будущего ребенка, однако то, что оно прочитано в священной книге, указывает на более высокий статус. Известно, что в калмыцкой традиционной культуре бытовало представление об «*Элдхлин бичг*» — книге пророчеств (идентифицируемой с «Поучением» Джибзун Дамба-ламы), содержащей сведения о будущем [Меняев 2015, 106–108]. Возможно, что в этом случае представлен отголосок этой идеи, адаптированный, чтобы подчеркнуть исключительность Мазан-батыра. Мотив предсказания будущего величия в сочетании с сиротством героя известен также в варианте У. Д. Душана, где его озвучивает слепой брат деда Мазана (будущий воспитатель героя) [Душан 1973, 68].

Другой устойчивой типологически важной чертой семьи Мазан-батыра является ее бедность, чаще всего упоминающаяся в связи со свадебной темой. К примеру, в одном случае в ответ на просьбу Мазана просватать дочь богача дядя отвечает: «*Яа, хээмнь ода, Мазн, Мазн, яһжсахмч? Ода манд, шим угатя улст болшиг терчн?*» (Яа, милый Мазан, о чем ты говоришь? Для нас, бедняков, это невозможно); позднее родственники невесты находят такое предложение бестолковым («*зуг уга юмн*») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)].

Вообще поиск невесты для Мазана и организация свадьбы являются одной из основных функций воспитателя в преданиях. Это, безусловно, соответствует нормам традиции, однако следует заметить, что первый подвиг Мазана часто происходит в контексте женитьбы. Таким образом, воспитатель героя также способствует проявлению его богатырских качеств.

В этом качестве он выступает и в других вариантах первого подвига. Так, в ряде текстов дядя покупает Мазану

богатырское снаряжение за очень высокую цену: например, отдает отару или табун за лук [ПМА] или богатырского коня [Babaev 2016]. Сходные мотивы известны и эпической традиции: кобылица Тяжелорукого Савра, купленная за миллион семей, пояс ценой в семьдесят мерингов и т.п. [Джангар 1990, 201, 214].

Наконец, помощь дяди может выражаться и в обильном питании героя-ребенка. В ряде текстов встречается ситуация, когда воспитатели Мазана наблюдают за детскими играми героя, видят в них проявление батырских качеств, после чего решают лучше кормить его (например: [Боктаев 2010, 28]). Эта ситуация, очевидно, основана на архаическом представлении о связи между аппетитом и силой героя (которое также отчасти отражается в представлении о прожорливости Мазана-ребенка).

Из других близких родственников Мазан-батыра нужно также упомянуть старшую сестру («*эгч*»), которая фигурирует в одной из легенд об этом герое. Любопытно, что в данном сюжете она наделена способностями к оборотничеству, которые использует, чтобы испытать храбрость брата (роль, которая обычно достается сверхъестественному существу) [ХТ 1974, 264–265]. Это позволяет рассматривать ее как *небесную сестру* — образ, часто встречающийся в эпосе монгольских народов. Ее существование косвенно подчеркивает необычную природу самого Мазана. В этом отношении также интересно отметить, что родством с небом («*теңг элтэ*») наделяется зайсанг Ончик — потомок исторического Мазана [Душан 1973, 73].

Можно сделать вывод, что семейные обстоятельства Мазан-батыра и его рождение в полной мере укладываются в сюжетную схему героического детства. Доминирующей является тема тяжелого положения семьи героя. Родители Мазана часто стары и бедны, обладают низким социальным статусом и т.п. Во многих случаях герой выступает как сирота, что обуславливает важность образа дяди-воспитателя. Последний играет преимущественно положительную роль в жизни героя, всячески способствуя развитию его богатырских качеств.

Необычным является рождение Мазана. Оно может происходить после

длительной бездетности родителей, может быть результатом соблюдения специальных предписаний, а также сопровождаться пророчествами о его будущих подвигах. С этим органично сочетаются косвенные указания на неземную природу героя.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТСКОГО СОСТОЯНИЯ МАЗАНА

Согласно концепции С. Ю. Неклюдова, собственно детство эпического героя (т.е. происходящее после его рождения) в зависимости от основных характеристик героя-ребенка может принимать две формы — «высокую» и «низкую» [Неклюдов 2015, 63–64].

Герой «высокого» типа быстро растет и рано проявляет богатырские качества. Примером такого героя в калмыцкой традиции может служить Хонгор, который в три года побеждает войско враждебных ханов [Джангар 1988, 12–14]. Во втором случае ребенок кажется «не подающим надежд» и наделяется негативными чертами вроде слабости, неопрятности и глупости. Детство Мазан-батыра скорее принадлежит ко второй разновидности, что прекрасно иллюстрирует следующее описание из варианта У. Д. Душана: «Рос он плохо. Ребенок был некрасивый и ленивый. Голова у него была большая и походила на котел. Живот был очень большой, ноги тонкие. Умом, казалось, он тоже не отличался. Все считали его неудачным» [Душан 1973, 69].

Перечисленные характеристики повторяются и в других текстах. Из них наиболее устойчивыми являются мотивы *безобразности*, фигурирующие даже в тех редких вариантах, где детство Мазана скорее относится к «высокому» типу. Например, в варианте А. Х. Удаева герой быстро обгоняет в росте своих родителей, а в семь лет становится великаном, размером с кибитку. Однако до этого его вид вызывает у людей недоумение и страх: «*Тер көвүн толһань ик, һар-көлинь бичкн, тиим болсн бээнэ. Эмтн өврэд бээжэ: “Эн көвүн толһань ик, бийнь бичкн болд, юн болжсахм?” — гинэ*» (Тот мальчик был таков: голова большая, руки-ноги маленькие. Люди удивлялись: «У этого мальчика голова

большая, сам маленький, что такое?») [ПМА].

Устойчивость представлений о диспропорциях внешнего вида Мазана-ребенка отражает и достаточно частое использование в текстах формулы «*геснь цардһр, һуйнь шордһр, ик толһа*» (живот выпяченный, ляжки тонкие, большая голова) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 75 (66)] (созвучные варианты появляются также в [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)] и у Х. Б. Сян-Белгина [Сян-Белгин 1959, 151]).

Другой частой негативной чертой Мазана-ребенка является *прожорливость*. Чаще всего она проявляется в виде гиперболлизированного аппетита: к примеру, в одном из текстов говорится, что герой 18 лет лежал дома (обратим внимание и на мотив необычайной *лени*), выпивая каждый день по ведру бозо¹ («*Тегэд арв нээм курэд, өдр болһн нежэһэд суулһ боз ууһад бээдг сэнжэ*» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 75 (66)]).

В других случаях это качество выражается в манере есть, сближаясь с мотивом глупости и невоспитанности героя-ребенка. Для описания этого используется формула «*ик ясинь амарн һарһад, баһ ясинь хамрарн һарһад*» (ел, выплевывая большие кости изо рта, а маленькие из носа) [ХТ 1972, 130]. Любопытно, что в сходном контексте она употребляется в «Джангаре»: так, в одной песне юный батыр Хошун Улан, проникнув во дворец вражеского хана под видом мальчика-плешильца, уносит с кухни конскую ногу и мгновенно съедает ее, после чего «разоблачает» повара, обвиняя его в краже; это позволяет ему завоевать доверие врага [Джангар 1990, 335–336]. Нетрудно увидеть, что Хошун Улан, чье богатырское детство в целом относится к «высокому» типу, здесь действует как «низкий» герой, некрасивый, прожорливый и обманывающий противников.

Говоря о прожорливости, нужно отметить, что в эпической традиции это качество может иметь положительный характер, выступая индикатором необычайной силы героя. Мировому эпосу известно множество различных примеров этой взаимосвязи: киргизский Манас, древнеиндийский Бхима-Врикодара («имеющий

¹ Гуца, остающаяся после перегонки молочной водки.

брюхо волка»), нартский витязь Ёречыкау и т.д. Соответствующий мотив отмечался как признак богатства и в одной из версий «Джангара» [Хабунова 2006, 56]. В других случаях связь силы и прожорливости может отрицаться. Так, в былинах об Илье Муромце Идолище хвастается, что может съесть и выпить больше героя, в ответ на что тот сравнивает противника с короной своего отца («много пила-ела и лопнула»), после чего с легкостью побеждает его [Илья Муромец 1958, 152].

Подобная амбивалентность известна и преданиям о детстве Мазан-батыра. Так, в одном случае перед поездкой на свадьбу старейшины хотона внимательно изучают Мазана и находят его достойным женихом, но осуждают за манеру есть, сравнивая героя с голодным волком («*өлн чон кевтэ шуучад-буучад иднэ*»), и велют не вести себя так, когда его будут угощать на чужой земле («*хэр һазрт хот өгэд орксн цагт*»). Мазан следует их наказу, но на пиру отец невесты, который тоже изучает героя, упрекает его в том, что такому могучему мужчине есть по чуть-чуть зазорно («*Иим эвртэ залу тиигжэ хот иднэ гидг ямаран ичртэ юмн!*») [Каляев 2005, 172–173]).

Сочетание безобразного вида и прожорливости сближает образ Мазана-ребенка с фигурой *прета*, или голодного духа, — класса существ в буддийской картине мира, рождение среди которых считается неблагим. Показательна в этом отношении характеристика данного образа, данная Н. А. Нефедьевым²: «Богатые, которые, проводя жизни в пресыщении, презирали бедных и оставляли без помощи нуждающихся, наказываются, подобно Танталу, тем, что, имея перед глазами пищу, они не могут ею воспользоваться: ибо они превращаются в уродов с **огромной головой** и маленьким, не более игольного ушка, ртом; шея у них делается тонкой, как волос, и вдобавок ко всему **брюхо величиной с гору, поддерживается ногами не толще спичек**» (выделено нами. — Б. С.) [Нефедьев 1834, 350–351].

Можно предположить, что соответствующие мотивы были заимствованы преданиями, чтобы подчеркнуть негативность образа Мазана-ребенка.

Отсутствие манер (в смычке с *глупостью*) является еще одной устойчивой негативной чертой детского состояния Мазан-батыра. Так, в варианте Ш. В. Боктаева дядя покупает для Мазана новые штаны, чтобы он показался в них на свадьбе (обряд «*шалврт үзүлх*»), однако герой забывает их по пути, из-за чего они попадают в неловкое положение [Боктаев 2010, 29]. В другом тексте Мазан на свадебном пиру пытается присоединиться к танцу, но случайно рвет струны домбры, под которую тот происходит, и, стыдясь этого, уходит ночевать в степь [ХТ 1972, 131].

Итак, в детском состоянии Мазан-батыра преобладают негативные характеристики. Тем не менее в некоторых вариантах он также наделяется чертами, свойственными детству «высокого» типа. Ранее речь уже шла о мотивах быстрого роста и исполинских размеров героя, но чаще всего богатырские качества отражаются в необычных играх будущего героя. Рассмотрим конкретный пример: «*Мазан уходит из дома и целыми днями пропадает в степи, не возвращаясь даже, чтобы поесть. Обеспокоенная этим, жена его дяди решает проследить за воспитанником и обнаруживает, что тот уходит в лес, где, вытесав из дерева множество воинов (модар дала цегчнриг кеһэд), устраивает с ними сражения. Дома она рассказывает об этом мужу, и тот говорит, что Мазан так готовится к будущим подвигам и что ему не нужно мешать*» [Доржиев 1999, 2].

В данном случае характер «сражений» героя не раскрывается, но позднее говорится, что, когда дядя подарил Мазану лук, тот начал упражняться в стрельбе по деревянному войску. Это же встречается и в других текстах (например: [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)], где герой стреляет в нарисованные на деревьях силуэты). Подобные тренировки также корреспондируют сюжетам о взрослых свершениях Мазан-батыра, в которых он выступает как искусный стрелок. Соответствующая репутация даже отразилась в одной из летописей, где он фигурирует как эталон лучника [Памятники 2016, 30] (примечательно, что это одно из немногих упоминаний

² Астраханский губернский прокурор расследовал злоупотребления в управлении калмыками в 1830-х гг., параллельно с этим собрал большой объем этнографических материалов.

о Мазане в калмыцких исторических источниках).

Эпизод героических игр придает некоторую амбивалентность изображению Мазана-ребенка. Его присутствие в сюжете не отменяет многочисленных отрицательных характеристик героя, но в какой-то степени указывает на то, что они являются не просто недостатками, но метками скрытой исключительности будущего героя (неслучайно и то, что тренировки сами являются тайными).

В любом случае Мазан-ребенок может быть классифицирован как герой, чье детство относится к «низкому» типу. Подобное положение согласуется с тем, что во взрослом состоянии герой проявляет черты трикстера, побеждая врагов с помощью различных уловок. В цикле Мазан-батыра соблюдается известная закономерность, такой вид детства характерен для эпического героя типа «колдуна/хитреца» [Неклюдов 2015, 78].

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ МАЗАН-БАТЫРА

Говоря о первом полноценном проявлении героических качеств Мазан-батыром, подчеркнем, что технически первый подвиг находится за рамками структуры эпического детства. Однако между ним и начальным периодом жизни героя существуют определенные взаимосвязи. Некоторые из них могут быть прослежены и в рассматриваемой традиции.

Завершающей ситуацией героического детства является отъезд из дома. Он может обосновываться различными причинами: охотой, поисками отца, важным поручением, а также, что особенно характерно для архаического эпоса, *сватовством*. Последнее нередко встречается в преданиях о Мазан-батыре, первый подвиг которого часто происходит в свадебном контексте. Оппозиция *свой* — *чужой* прослеживается уже на уровне лексики: например, место жительства семьи невесты обозначается в текстах как *хэр һазр*, *куун һазр* (*чужая земля*). Сходная семантика известна и в одном из текстов, где Мазан отправляется в далекое место («*зөвэр хол тиим бээсн*») на угощение (подвиг в данном случае — убийство белого медведя, который нападает на него на обратном пути). Примечательно, что этот инцидент происходит сразу после того, как сказитель сообщает, что Мазан вырос

(«*Тиигжэһэд өнчн көвүн өсэд ирнэ*») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 75 (66)].

Другим популярным вариантом мотивировки отъезда героя является *охота*. Этот мотив встречается, например, в варианте А. Х. Удаева, где, выехав в степь за добычей, Мазан встречает группу калмыков. Те предупреждают его о приближении мангытского войска, которое герой решает остановить («*тер маңһд цергиг би дархув!*»), невзирая на предупреждения о том, что это войско слишком сильно для него (мотив *недооценки* героя) [ПМА]. Из других вариантов объяснения отъезда можно назвать пастушеские занятия (герой вместе с табунщиками дяди гонит его коней на водопой: [Душан 1973, 69]) и желание приобрести героическое снаряжение (герой едет на базар: [Babaev 2016]).

Другой закономерностью перехода от героического детства к первому подвигу является обострение *недооценки* героя, что выражается в разных формах: от действий конкретных персонажей до реплик сказителя и самого хода сюжета [Неклюдов 2015, 82]. В случае с Мазан-батыром она может смешиваться с враждебным отношением к герою, попытками подстроить его гибель.

Так, в некоторых случаях семья невесты посылает Мазана похитить табун могучего батыра-чужака, что нередко представляет собой завуалированную попытку погубить жениха. Иногда подобное желание может озвучиваться прямо: «*Маңһдин аду көөнэв гихләрн, эн үклэн эс олхий?*» (Захотев угнать мангытский табун, не найдет ли он свою смерть?) [Памятники 2015, 160]), но чаще подразумевается, так как батыр-иноплеменник сильнее Мазана.

В других случаях, когда подвиг заключается в возвращении похищенных табунов семьи невесты, недооценка может выражаться в неверии в то, что это сделал именно Мазан. Любопытно, что иногда герой сам провоцирует подобное недопонимание, не заявляя о своем деянии (в одном случае он даже отрезает похитителям языки, из-за чего те не могут рассказать о случившемся) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)]. Это вызывает спор о том, кто одолел воров, причем о Мазане вспоминают в последнюю очередь (поначалу отец невесты даже не хочет его звать, но уступает просьбам старшей невестки). В итоге правду удается установить

благодаря реакции воров, а также по меткам, оставленным героем заранее (языкам, его клейму и т.д.). На ситуативном уровне невыгодное положение Мазана в этом варианте выражено еще и в том, что он присоединяется к погоне последним и ему не достается нормального коня.

Сходные мотивы наблюдаются и в других вариантах этого сюжета: так, в одном из них Мазан, вопреки словам матери невесты о том, что воры ускакали на запад, едет на восток, что кажется ей неразумным («*һәргәтә юмн*») [Боктаев 2010, 31–32]. Несмотря на это, герой настигает похитителей первым, и, таким образом, кажущаяся глупость в действительности оказывается проявлением исключительной проницательности героя.

Победа над угонщиками скота может фигурировать как подвиг и вне свадебной темы. В частности, в одном из вариантов этого сюжета Мазан-батыр одолевает двадцать *хар мангытов*, приехавших угонять калмыцкий скот, после чего бросает их связанными в степи. В этом случае неспособность воров назвать победителя связана с языковым барьером. Герой вновь оказывается последним кандидатом, так как жители хотона думают, что тот слишком слаб и юн и потому не мог победить двадцать взрослых мужчин. Однако скотокрады признают в нем своего победителя, и эпизод заканчивается сообщением, что так люди узнали о богатырской силе Мазана [Доржиев 1999, 2].

Пример интересен тем, что вне матричиального контекста похитителя скота наделяются этнической принадлежностью. Данная особенность позволяет сравнить предание с эпосом классической формации, где герою противостоит обобщенный образ исторического противника. При этом рассмотренные ранее варианты предания близки эпосу архаическому (где также играет важную роль тема брака).

Это, на наш взгляд, является одним из признаков того, что повествования о детстве Мазан-батыра близки именно эпической традиции, а не, например, сказочной, в которой также присутствуют аналогичные сюжеты. Среди других признаков этого можно также назвать саму тему похищения скота, чрезвычайно популярную в монгольском культурном ареале вообще и конкретно в калмыцкой традиции.

Наконец, характерной особенностью первого подвига героя, чье детство относится к «низкому» типу, является стремительность проявления им богатырских качеств, словно бы компенсирующая его прежнюю слабость. Подобная закономерность может быть отмечена во всех упомянутых ранее типах первого подвига Мазана, но ярче всего она показывается в сюжетах о приобретении героем батырской экипировки.

К примеру, в одном из вариантов текста Мазан выступает хилым и болезненным (*гемтә*) ребенком, пока в 16 лет не отправляется на рынок, где, к удивлению окружающих, проявляет огромную силу, сумев натянуть необычайно тугой лук [Вабаев 2016]. В типологическом отношении данный тип подвига является достаточно характерным для эпических традиций (в качестве примера из близкой культурной сферы можно привести Алпамыша, на более высоком уровне — царевича Раму или гомеровского Одиссея).

К сюжету о приобретении лука близок эпизод с покупкой коня. Исследователями (в частности, Р.С. Липец [Липец 1984] и А.Ш. Кичиковым [Кичиков 1992, 45–49]) отмечалась необычайная важность образа богатырского скакуна для эпоса кочевых народов Евразии. Несмотря на это, при сходной фабуле его приобретение редко конституирует первый подвиг Мазана (в частности, в нем отсутствуют эпизоды недооценки и последующего признания силы героя). Фигура коня героя тем не менее интересна тем, что он, подобно своему хозяину, трансформируется из «плохонького и негодного» в батырского коня. Пример этого можно встретить в варианте А.Х. Удаева, где Мазан наперекор воле отца покупает дурного жеребенка-двухлетка («*му гисн дааһ*»), который благодаря его заботе превращается в могучего («*күчтә*») жеребца [ПМА]. Данный случай можно рассматривать как проявление представления о единстве образов всадника и скакуна в эпическом контексте.

Другой пример этого единства, релевантный для настоящего исследования, встречается в одном из преданий, где дядя благословляет Мазана после того, как он выбирает себе скакуна — неказистого жеребенка-двухлетку с некрасивой гривой и со звездочкой во лбу («*сәэнәр*

нооснь хагшлад уга, маңнадан төөлтэ, му бээдлтэ күрң дааһ»). Посмотрев на него, дядя вспоминает половицу: «Человек узнается с детства, а скакун — с жеребенка» («Күн болх баһасн, күлг болх уһнаһ») и решает, что племянник и конь были предназначены друг другу («эн хойр нег-негэн күлэлдэд йовс бээжл»). После этого он громко произносит благословение, в котором просит сякюсена (хранителя) калмыков сделать так, чтобы человек и богатырский конь стали единым целым («кун күлг хойр негн болж»), а множество бурханов — помочь возвысить («өөдлүлж») имя калмыков. Благоположение продолжает некий седой старец («нег буурл көгшин өвгнь»), находящийся поблизости, который адресует Мазану следующие слова:

«Мазн баатр бол,
 Маңнадан кезэд чигн нарга,
 Одн бүрдхлэ эмрдг Очра көвүн
 Мазн бол»
 (Пусть твое имя будет Мазан-батор,
 Во лбу твоём пусть всегда светит солнце,
 Будь сыном Очира, Мазаном который
 оживает,
 Когда на небе зажигаются звезды)
 [Доржиев 1999, 2].

Данный эпизод можно рассматривать как разновидность обряда *имянаречения*³, в ходе которого герой получает своеобразную форму *условной неуязвимости*, что также является характерным эпизодом героического детства [Неклюдов 2015, 62]. Последняя фигурирует в преданиях о борьбе взрослого Мазан-батыра с богатырем-иноземцем, а также представлена в устойчивом эпитете «одн күүцхлэ бүрдг Очра Мазн» (сын Очира Мазан-батыр, оживающий с появлением звезд на небе) [Тягинова 2004, 61–62]). Интересно также и то, что герой наделяется этой способностью сразу после того, как его дядя взывает к божествам — еще одно указание на связь Мазан-батыра с высшими силами.

Итак, на уровне структуры сюжета совершение Мазан-батыром первого подвига подчиняется закономерностям, существующим в эпической традиции. Первый подвиг устойчиво совершается за

пределами «детского» хронотопа: там, где живет род невесты, в другом хотоне, в дикой степи и т.д. Проявление богатырских качеств происходит молниеносно, резко перечеркивая прежнее никчемное состояние героя-ребенка. По-видимому, в связи с этим его способность к совершению подвига ставится окружающими под сомнение, развеяв которое он окончательно утверждается как герой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется доказанным, что описания детства Мазан-батыра типологически однородны с изображением детства героя в эпосе. На уровне семьи героя это проявляется прежде всего в разработанной теме *сиротства* (полного или в виде ранней гибели отца). В результате этого важную роль в судьбе будущего героя играет дядя (как правило, мужчина из рода отца). Он выступает сугубо положительной фигурой, прямо или косвенно способствуя переходу Мазана в полноценное богатырское состояние. Из других признаков тяжелого положения семьи героя можно назвать бедность, старость родителей, сочетающуюся с длительной бездетностью, а также низкий социальный статус (что резко противоречит происхождению исторического Мазан-батыра).

Детское состояние героя также описывается в негативных тонах. Мазан-ребенок называется безобразным (популярный мотив — диспропорциональное тело), ему приписываются прожорливость, глупость, грубость, лень и другие отрицательные черты. В соответствии с этим окружающие отрицательно настроены по отношению к герою, что особенно верно для семьи его невесты, которая может даже попытаться подстроить ему гибель.

Противовесом этому выступает тема исключительности Мазан-батыра, его скрытой незаурядности. До его рождения она может выражаться в мотивах *чудесного зачатия* (рождение героя становится возможным только после исполнения предписаний из священной книги) и *чудесного рождения* (в виде предсказаний о будущем величии). Непосредственно в детстве Мазана это качество проявляется в необычных играх-тренировках героя, кор-

³ Технически герой называется Мазаном еще до этого эпизода, однако сказитель уточняет, что данное благословение — первый случай, когда было произнесено имя отца Мазана.

респондирующих его взрослым качествам. С определенной долей осторожности можно также говорить о мотивах покровительства герою высших сил и даже божественном происхождении.

Сочетание этих факторов — внешней убогости и потаенной силы — позволяет сказать, что описание «добогатырского» периода жизни Мазан-батыра в типологическом отношении соответствуют картине эпического детства «низкого» типа, свойственного прежде всего героям, наделенным магическими способностями или чертами трикстера. Подобное положение согласуется с манерой изображения героя в повествованиях о его взрослых подвигах.

Наконец, завершение героического детства, т.е. совершение первого подвига, тоже подчиняется закономерностям эпоса. Например, в пространственном отношении подвиг Мазана происходит за пределами «своего» хронотопа, а во временном — с достижением героем определенного возраста (например, брачного).

Сам подвиг обычно заключается в молниеносном проявлении богатырских качеств (прежде всего силы), крайне неожиданном для других персонажей на фоне

общей негативности образа Мазана-ребенка. Подобные обстоятельства очевидно продуцируют появление эпизодов недооценки героя (на его типологический характер указывает то, что иногда Мазан-батыр сам создает ситуацию неопределенности, никому не сообщая о своем подвиге).

Что же касается содержательной стороны подвигов, то их различные варианты также близки героическому эпосу. Некоторые из них тесно связаны с темами обретения семьи и брака, что сближает их с архаической традицией, а в других случаях пафос заключается в защите соплеменников от иноземной угрозы, как в классическом подтипе. Типично эпический характер носит и сюжетно-тематический аспект свершений Мазана — борьба за обладание табунами, обретение геройского снаряжения, победа над диким зверем и т.п.

Таким образом, представляется доказанным, что повествования о рождении и ранней жизни Мазан-батыра построены на тех же моделях, что и описания детства в героической поэзии. Это еще раз подчеркивает тесное взаимодействие фольклорного цикла об этом герое и эпического жанра.

Источники и материалы

Боктаев 2010 — Алтн чеэжгэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / Сост. Б. Б. Манджиева. Элиста, 2010.

Джангар 1988 — Джангар: Калмыцкий народный героический эпос: Эпический репертуар Мукебюна Басангова. Элиста, 1988.

Джангар 1990 — Джангар: Калмыцкий героический эпос / Сост., коммент. Н.Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова; Пер. Н.Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова и др. М., 1990.

Доржиев 1999 — Доржиев Л. Т. Мазн баатр // Хальмг үнн. 1999. 15 января.

Душан 1973 — Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста, 1973. С. 31–107.

Илья Муромец 1958 — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.

Каляев 2005 — Каляев С. К. Степной родник: стихи, автобиографическая проза, материалы из личного архива С. К. Каляева / Сост. и предисл. А. Г. Салдусовой. Элиста, 2005.

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Информант — Арвг Харланович Удаев, 1953 г. р., калмык, *баччонос*, урж. д. Новогутово, Барабинский р-н, Новосибирская обл.

Нефедьев 1834 — Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834.

Памятники 2015 — Памятники фольклора монгольских народов: В 10 т. Т. IV: Легенды и предания / Гл. ред. Н.Ц. Биткеев. М., 2015.

Памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / Сост., пер. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста, 2016.

Сян-Белгин 1959 — Сян-Белгин Х. Б. Мазан-баатр // Теегин герл. Хальмг урн үгин альманах. (Элиста). 1959. Вып. 5. С. 151–159.

Тягинова 2004 — Тягинова Т. С. Мой предок Мазан-баатр // Мазан-батыр: известный военачальник XVII века и легендарный герой калмыцкого народа: Матер. науч.-практ. конф., посв. 350-летию со дня рождения / Науч. ред. В. Б. Убушаев, М. С. Горяев. Элиста, 2004. С. 61–65.

Тягинова 2011 — Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / Предисл. Н. Г. Очировой; Сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста, 2011.

ХТ 1972 — Хальмг туульс. III боть / Нээрүлж кевлелд белддж диглснь Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст, 1972.

ХТ 1974 — Хальмг туульс. IV боть / Барт бeлдснь Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Элст, 1974.

Babaev 2016 — *Babaev A. Nikolai Oshaev, Mazan Baatr* [Материалы проекта документирования калмыцкого культурного наследия (Kalmyk Cultural Heritage Documentation Project). Видеофайл]. DOI: <https://doi.org/10.17863/CAM.18318>

Исследования

Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.

Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М., 1992.

Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

Меняев 2015 — *Меняев Б. В.* Роль профетического жанра в литературе калмыков (на материале «Почтения Джибцзун Дамба Хутухты») // Ежегодные научные чтения Кал-

мыцкого института гуманитарных исследований РАН — V. Элиста, 2015. С. 104–108. URL: <http://kigiran.com/sites/default/files/tezisy-2015.pdf> (дата обращения: 21.11.2018).

Неклюдов 2015 — *Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М., 2015.

Путилов 1999 — *Путилов Б. Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999.

Сенглеев 2017 — *Сенглеев Б. Ю.* Мазан-батыр — эпический герой в калмыцком фольклоре // Традиционная культура. 2017. № 4. С. 170–181.

Смирнов 2010 — *Смирнов Ю. И.* Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.

Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д, 2006.

© Б. Ю. Сенглеев, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенглеев Б. Ю. <https://orcid.org/0000-0003-4012-5679>

Аспирант отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: jingnh@bk.ru

HEROIC CHILDHOOD IN THE FOLKLORE CYCLE OF MAZAN-BATYR

BORIS YU. SENGLEEV

(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences: 25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *This article deals with the narratives about the childhood of Mazan-Batyr, a popular hero of Kalmyk folklore. These are analyzed in light of the concept of “heroic childhood”, a relatively restricted set of plot elements from which narratives about the early life of an epic hero are taken. The circumstances of Mazan’s family, the events surrounding his birth and his main traits are assessed. Mazan-Batyr is often depicted as an orphan raised by a paternal uncle and is marked by greatness even before his birth. Still, Mazan manifests numerous negative traits such as gluttony, ugliness, and ungainliness, which cause him to be ostracized by society. These indicate that his early life belongs to the so-called “lower” type of epic childhood, associated with tricksters and magicians. The article also considers the connection between Mazan’s childhood and his first heroic deed. Several points of correspondence to heroic poetry are demonstrated, and the article concludes that accounts of Mazan-Batyr’s early life are based on the same models as those utilized in epic traditions.*

Key words: *Mazan-Batyr, Kalmyk folklore, historical tales, legends, heroic childhood.*

Received: June 22, 2019.

Date of publication: September 25, 2019.

For citation: Sengleev B. Yu. Heroic childhood in folklore cycle of Mazan-Batyr. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 3. Pp. 119–130. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.3.010

References

Khabunova Ev. E. (2006) Geroicheskiy epos “Dzhangar”: poeticheskiye konstanty bogatyrskogo zhiznennogo tsikla (sravnitel’noye izucheniye natsional’nykh versiy) [The heroic epic “Jangar”: Poetic constants of a hero’s life cycle (A comparative study of national versions)]. Rostov-on-Don. In Russian.

Kichikov A. Sh. (1992) Geroicheskiy epos “Dzhangar”: sravnitelno-tipologicheskoe issledovaniye pamyatnika [The heroic epic “Jangar”: Comparative and typological study of the literary monument]. Moscow. In Russian.

Lipets R. S. (1984) Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol’skom epose [Images of batyr and his horse in Turkic-Mongolian epics]. Moscow. In Russian.

Menyaev B. V. (2015) Rol’ profeticheskogo zhanra v literature kalmykov (na materiale “Poucheniya Dzhibtsun Damba Khutukhty”) [The role of the prophetic genre in Kalmyk literature (as exemplified in “Exhortation of Jibt-sun Damba Khutukhta”). *Ezhegodnie nauchniye chteniya Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy*] [Annual scientific readings of the Kalmyk Institute for Humanities Research].

Vol. V. Pp. 104–108. Elista. URL: <http://kigiran.com/sites/default/files/tezisy-2015.pdf> (retrieved: 21.11.2018). In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2015) Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya [Poetics of epic narration: Space and time]. Moscow. In Russian

Putilov B. N. (1999) Ekskursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo eposa [Excursions into the theory and history of the Slavic epic tradition]. St. Petersburg. In Russian.

Sengleev B. Yu. (2017). Mazan-batyr — epicheskiy geroy v kalmytskom fol’klore [Mazan-Batyr, epic hero of Kalmyk folklore]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture]. 2017. No. 4. Pp. 170–181. Moscow. In Russian.

Smirnov Yu. I. (2010) Byliny. Ukazatel’ proizvedeniy v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh [Bylina epics: Index of works and their variants, versions and contaminations]. Moscow. In Russian.

Zhirmunskiy V. M. (1962) Narodnyy geroicheskiy epos [The folk heroic epic]. Moscow; Leningrad. In Russian.

© B. Yu. Sengleev, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Boris Yu. Sengleev <https://orcid.org/0000-0003-4012-5679>

E-mail: jingnh@bk.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

PhD Candidate, Folklore Division, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)